

АРУЕУ

Александр
ПРОЗОРОВ

Приец:

Аркантский
КОЛОДУН

Молот Одина

Александр ПРОЗОРОВ

Приец:

Книга первая

Аркаимский кодаун

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П79

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Прозоров, Александр Дмитриевич.

П79 Ариец. Книга первая. Аркаимский колдун: [фантастический роман] / Александр Прозоров. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Ариец).

ISBN 978-5-699-90453-2

IX век до нашей эры...

На обширной Русской равнине живут три великих народа: славяне, выплавляющие железо, возделывающие огороды и поклоняющиеся Сварогу и Макоши, скифы, добывающие медь, пасущие в степи тучные стада и чтящие великую Табити, и лесовики, живущие охотой и ведущие свой род от зверей-первопредков. Где-то эти народы враждуют, где-то торгуют, жизнь идет заведенным порядком. Однако неожиданно в этот тихий мир проникает из XXI века наш соотечественник, прирожденный колдун по имени Андрей, считающий себя истинным арийцем и ищущий своих первопредков, дабы познать все тайны магии. Равновесие мира нарушается, и начинается Большая Война...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Прозоров А., 2016
ISBN 978-5-699-90453-2 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ПРОЛОГ

Облака разошлись, и на недавно кошенный луг, между сосновым бором и тихой, но полноводной рекой Вынь, упали желтые лучи круглой холодной луны. Оказавшись на свету, встрепенулись и громче застонали лягушки, застрекотали сразу несколько цикад, в лесу недовольно чирикнули птицы. От воды потянуло слабым запахом мятой осоки; дрогнули камыши, между которыми паслась невидимая в черной воде рыба.

— Ты глянь, луна-то какая, Тройчатая! — откинулся на спину безусый паренек, лежащий у костра. Он был совсем юн, лет шестнадцати, но толстая кожаная куртка, широкий ремень с петлями для оружия, легкий железный топорик под рукой и лежащее чуть далее копье с похожим на ладошку наконечником выдавали в мальчишке воина. — Сказывают, в такие ночи лесные люди в зверей перекидываются и на охоту выходят.

— Неужели ты веришь в эти бабьи побасенки, Щипач? — отозвался второй воин, сидящий по другую сторону костра на круглом потрепанном щите. Он тоже был одет в толстый кожаный панцирь и

опоясан ремнем, на котором висела замшевая поясная сумка. Однако уже обзавелся бородой и солидными усами. — Превращаться в зверей не умеют даже взрослые боги! Ты хоть раз слышал, чтобы Триглава в лося перекинулась? Или Даждбог? Откель тогда у лесовиков глупых такому умению взяться?

— Так ведь лесовики, Тройчата! Они со зверьми в родстве. Сказывают, за предков своих — волков, рысей и быков всяких почитают.

— Тихо! — вскинул палец взрослый воин.

— Что? — Паренек приподнялся, закрутил головой.

— Не суетись, Щипач, — легким шепотом произнес Тройчата. — Ночью все едино ничего не углядишь. Слушать надо, слу-у-ушать...

— Цикады умолкли... — опасливо выдохнул паренек, и рука его торопливо нащупала рукоять топорика.

— Слу-ушай... — качнулся вперед, чуть привставая, мужчина.

Слабый шелест, словно дуновение ветерка, прокатился от реки к тусклому сторожевому костру, и свет огня проявил взметнувшиеся в прыжке звериные тела.

— А-а... — Настороженный паренек успел вскинуть оружие, и лезвие топорика столкнулось с оскаленной волчьей мордой. Но ударило без замаха, а потому бессильно скользнуло по густой жесткой шерсти. Клыки лязгнули перед самым лицом, словно сжирая крик дозорного — но это Щипач сам сбился с дыхания, успев откинуться, ускользая от

опасности. Он взмахнул топориком и вогнал-таки его зверюге в крестец. Но и волк оказался ловок — хищник извернулся и сомкнул свою пасть чуть ниже затылка юного врага, с хрустом перекусив позвоночник.

Опытный воин оказался для зверья куда более опасным противником. Он принял нападение не на топор, а на щит. И хотя удар сразу двух тяжелых туш сбил мужчину с ног, Тройчата не получил ни царапины и даже успел наугад взмахнуть топориком вдоль земли. Железо сочно чмокнуло, вонзаясь во что-то мягкое, и воин торопливо ударил туда же щитом, окантовкой ломая кости невидимого врага. Тот жалобно взвыл, а дозорный быстро крутанулся, закрываясь щитом от шороха, толкнул правый край деревянного диска от себя и тут же ударил им вперед, ощутив упругое сопротивление живой плоти. Взмахнул топориком — но на этот раз никуда не попал — и сразу крутанулся на месте, широким движением отпугивая зверье.

Темнота недовольно зарычала, вспыхнули огоньки, метнулись вперед. Тройчата опять закрылся, но щит спас только от волка, прыгнувшего сверху. Второй же напал понизу и вцепился в щиколотку, дробя клыками сустав. Отпустил, не дожидаясь ответки, шархнулся в сторону. Воин охнул от боли и, теряя равновесие, взмахнул руками, вскинув и щит, и топорик. К открывшейся груди тут же метнулись сразу два зверя.

— Береги-и-и!.. — закричал воин, но окончание фразы захлебнулось кровью.

Впрочем, и этого короткого предупреждения оказалось достаточно, чтобы находящийся неподалеку поселок зашевелился.

Селение выглядело просто: два стоящих напротив друг друга длинных бревенчатых дома, десяти шагов в ширину и полусотни в длину каждый; крытые тесом двускатные крыши, окошки для выпуска дыма наверху, широкие двери внизу. Углы домов соединял тын, образуя просторный двор с колодцем в центре. На каждую сторону двора были сделаны прочные ворота, сшитые из толстых жердей и подпертые на ночь кольями. Крепость не крепость, но ночевать можно без опаски, даже в нынешние тревожные времена.

Вот и теперь — едва послышался крик, двери домов распахнулись, на двор стали выбегать мужчины, на ходу оправляя куртки и застегивая пояса.

— Что там? — спросил стоящего у колодца караульного один из выскочивших бородачей.

— Похоже, стадо наше кто-то угоняет, Горчак, — ответил тот. — Эх, зря мы лосей на выпасе оставили! Не сильно отощали бы, и в загоне переночевав.

— «Не отощали бы...» — передразнил его Горчак. — Сам, небось, пожрать завсегда готов! А скотину на вытоптанном дворе держать хочешь. Да и откуда здесь татым таковым взяться, чтобы на стадо покунуться? Ведь выследим и перебьем!

— На татей не похоже, старшина, — покачал головой караульный. — Криков, стука не было, на бой не тянет. А вот вой и скулеж я слышал.

— Нешто волки? — встревожился другой воин. — Эти не угонят. Эти зарежут всех, одного пожуют и

уйдут. Эти кровь куда больше мяса любят. Им убивать в удовольствие, останавливаться не умеют. Спасать надобно лосей-то...

— Мамай, Русак, Лапоть, остаетесь, — быстро принял решение старшина. — Остальные за мной. Глянем, кто балует. Ворохапка, открывай!

Караульный торопливо выбил подпорки от направленных к лугу ворот, оттянул створку. Два десятка мужчин — со щитами, копьями, с топориками и ножами на поясах вышли в лунную ночь, быстрым шагом направляясь к выпасу. Однако почти сразу вдоль тына и за их спинами к распахнутым воротам метнулись стремительные тени, норовя незаметно проскочить в оставшийся почти беззащитным двор.

— Сзади!!! — Хитрость оказалась разгадана почти сразу. — Ворота закрывай! Во-олки!

Зверей заметили и воины вышедшего отряда, и четверо оставшихся мужчин. Они тут же навалились на створку, толкая воротину вперед, подпирая колыями, — и внутрь успело проскочить всего два серых хищника.

— Лови их, лови! — развеселились караульные. Они взялись за пики и стали бегать по просторному двору, норовя наколоть зверей на острый наконечник. — Мяска захотелось? Теперь хворост своими шкурами закрывать будете!

Примерно такая же судьба ожидала и остальных волчьих собратьев — Горчак быстрыми командами развернул своих людей в цепь и прижимал хищников к тыну.

— Не упустите зверей, мужики! — Старшина, двигаясь в центре отряда, опустил копьё. — Покончим со стаей, на несколько лет в лесах спокойно станет!

И тут случилось неожиданное. Воздух наполнился тяжелым шмелиным гулом, и в спины людей ударили сразу десятки стрел. Тяжелые каменные накопечники, предназначенные для охоты на крупного зверя, уверенно пробивали толстую дубленую кожу ратных доспехов и впивались в тело на глубину в два-три пальца. Убить, может, и не убивали — но боль причиняли изрядную, да и кровь по спинам сразу потекла широкими струйками.

Ругаясь и вскрикивая от попаданий, воины поспешили повернуться, подняли щиты — и тут же вперед метнулись волки, норовя порвать врагам щиколотки, сухожилия или перегрызть правый локоть, если тот оказывался слишком далеко отставлен назад. Люди начали падать один за другим, и после каждого падения ливень стрел, направленный в уцелевших, становился все гуще...

Во дворе ничего этого не видели. Охотниками на затравленных волков овладел такой азарт, что по сторонам они уже не смотрели и потому не заметили нескольких рысей, быстро пробежавших по кровле. Крупные лесные кошки спустились к самому краю крыши и, улучив момент, сделали то, что умели лучше всего на свете: обрушились сверху на ничего не подозревающую добычу.

В тот же миг волки из дичи превратились в охотников — и тоже кинулись на сбитых с ног врагов... В воздухе запахло парной кровью, а звери, подбе-

жав к кольям, толчками своих сильных тел выбили подпорки жердяных створок. Открыть их серые хищники не могли — но это и не требовалось. После того как замертво рухнул последний защитник, со стороны реки, от камышовых зарослей, появились обвешанные ветками и травой лучники. Пряча свое оружие в колчаны, они взялись за ворота и распахнули их настежь. Уверенно вошли во двор. Следом неспешно протрусила вся звериная стая, а самым последним вошел длинноволосый шаман, прическа которого состояла из тонких и толстых косичек, одеждой была свободная засаленная малица, с пояса свисало несколько бараньих и козьих рогов и хвосты всякого зверья — лисьи, горностаевы, волчьи, беличьи, сусличьи. Из оружия шаман имел только посох, тоже увешанный кисточками из звериного меха и покрытый рунами, да клееный нож — основа из дуба, а кромка набрана из кремневых пластинок.

Сделав круг по двору, приюхиваясь и водя левой ладонью, шаман остановился рядом с колодцем, положил посох на землю, воткнул в него нож, отступил в сторону.

Звери, разбегаясь, стали один за другим прыгать через него — и прямо в прыжке преобразались, оборачиваясь молодыми сильными мужчинами. Причем многие, несмотря на юность, уже имели на теле по нескольку крупных шрамов. Кувыркнувшись, они поднимались с земли голыми — и сотоварищи из лучников спешили подать оборотням куртки, штаны, сапоги, пояса.

— Ну вот, — поднял лицо к небу один из перекинувшихся воинов, темноглазый, черноволосый и остроносый. — До рассвета еще не меньше двух часов, а Емва уже взята. Получилось даже быстрее, чем ожидали.

— Еще не взяли, Любый. — Почтительно склонившись, шаман выдернул нож из посоха, поднял свою корявую палку и оперся на нее. — Оставшиеся славяне заперлись внутри.

— Ну и что, Велихост? — пожал плечами худенький мальчишка, болезненно потирающий свежий кровоподтек на ребрах. — Подождем, и пусть сидят, сколько захотят!

— Если подождем, глупый котенок, они сторят вместе со своим добром! — наставительно ответил шаман. — Зачем тогда мы сражались, коли останемся без добычи? Поджечь можно и просто так, без схватки опасной. Стрелами.

— Подождем утра и выьем двери тараном, — вздохнул Любый. — Спешить больше некуда, славянские мужчины мертвы.

— А чего не сейчас? — не унимался мальчишка. — Дело-то быстрое!

— Потому, малой, что прожекторов на сегодня мы еще не изобрели, — пожал плечами остроносый оборотень. — Мы намного лучше обычных людей чувствуем темноту, поэтому воевать нам лучше ночью, полузрячими супротив слепых. Однако обычными делами, Васхо, проще все-таки заниматься при свете.

Однако воинам, только что одержавшим победу, не сиделось на месте. Все еще объятые азартом

схватки, они оказались не в силах ждать рассвета. Отыскав где-то бревно, воины всего парой ударов высадили дверь правого дома, устремились внутрь. Послышался истошный женский визг, крики, детский плач.

Остроносый нахмурился, поманил к себе шамана:

— Велихост, иди туда и проследи, чтобы никого не убили.

— Но почему, Любый? — нахмурился тот. — Зачем ты так добр к славянам? Ведь они наши враги! Почему нам не сжечь их раненых? Это устрасит тех, кто еще не вступил в битвы! Почему нам не принести в жертву лесным духам нескольких славянских детей? Духи ответят нам благодарностью!

— Нашим потомкам еще долго жить на этой земле, Велихост, — ответил остроносый оборотень. — Если мы польем ее кровью невинных детей и пропитаем мукой умирающих пленников, она насытится злобой, и эта злоба станет отравлять души нашего народа. Зачем нам это, Велихост? Пусть эта земля останется чистой и счастливой, полной красоты и радости. Если мы станем убивать славянских детей и пытаться раненых, славяне захотят отомстить. Они будут воевать не зная усталости и жалости и не успокоятся, пока не истребят весь наш род либо не сгинут сами. Зачем нам пробуждать в них ненависть, Велихост? Пусть знают только то, что мы сильнее, что с нами бесполезно воевать. Этого достаточно. Посему я желаю, чтобы на этой войне проливалась кровь только воинов и только в битвах. Что до детей и

женщин, каковые не понравятся нашим парням, до стариков и увечных мужчин, выживших на поле боя, то поутру посадите их в лодки и отправьте вниз по реке. А не хватит лодок, свяжите им плоты! Пусть в Вологде знают, что эта земля больше не принадлежит славянам. Пусть поймут, что случится со всеми воинами, каковых они попытаются отправить вместо этих.

— Да будет воля твоя, Любый, — почтительно склонил голову шаман и поспешил в разоряемый дом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Васильки в ногах

Это был всего лишь миг: смартфон пискнул об эсэмэске, он опустил глаза на звук, сунул руку в карман — и тут же ощутил сильный удар в плечо.

— Какого... — ругательство Андрей оборвал на полуслове, успел вовремя проглотить, увидев жалобное личико потирающей лоб девушки:

— Мамочки, больно-то как!

— Простите, пожалуйста. Отвлекся. — При виде хрупкой жертвы молодой человек, высокий и худощавый, с темными волосами и острым носом, ощутил себя виноватым. — Позвольте, я посмотрю?

— У вас там кирпич спрятан, да? — Девушка подняла голову, все еще морщась. У нее были большие глаза цвета кофе с молоком, точеный носик и светлые, словно чистый снег, губы. Подбородок с ямочкой и тонкая шея, воскрешающая в памяти подзабытое слово «лебединая». Легкий аромат жасмина и мускуса с примесью горчинки, словно от новенькой, недавно продубленной кожи. Совсем не женский запах. Похоже, сегодня она воспользовалась чужим дезодорантом... — И чего ты на меня так вытаращился?